

ISSN 2500-0608

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В.А. Мальцева, Н.Я. Розенфельд

Современная аналитика образования

№ 1 (61)

2022

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КАРЬЕРНЫЕ
ТРАЕКТОРИИ ВЫПУСКНИКОВ
РОССИЙСКИХ ВУЗОВ
НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНГИТЮДНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Серия
Современная аналитика
образования

№ 1 (61)
2022

УДК 37
ББК 74
М 21

Сопредседатели редакционного совета серии:
Я.И. Кузьминов, к.э.н., научный руководитель НИУ ВШЭ;
И.Д. Фрумин, д.п.н., научный руководитель Института образования НИУ ВШЭ

Исполняющий обязанности руководителя Комитета по выпуску серии:
С.И. Заир-Бек

Рецензенты:
Т.Л. Клячко, д.э.н., руководитель Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС;
В.Н. Рудаков, к.э.н, доцент факультета экономических наук НИУ ВШЭ

Авторы:
В.А. Мальцева, Н.Я. Розенфельд

Образовательно-карьерные траектории выпускников российских вузов на материале лонгитюдного исследования / В. А. Мальцева, Н. Я. Розенфельд; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. — М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 48 с. — 100 экз. — (Современная аналитика образования. № 1 (61)).

В работе рассматриваются паттерны в девятилетних образовательно-карьерных траекториях участников когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии», получивших высшее образование к 2020 году. Выделение паттернов проведено с помощью метода анализа последовательностей. Описаны девять паттернов в траекториях выпускников в разрезе дифференцирующих особенностей: продолжение обучения в магистратуре, совмещение учебы и работы, продолжительность опыта работы, длительность нахождения в прекариальном положении. Показано положение выпускников — участников паттернов на рынке труда в 2020 году: статус на рынке, сфера занятости, трудовой доход. Рассмотрена взаимосвязь паттернов с набором социально-демографических характеристик участников (культурный капитал, образовательные притязания, гендер, семейное положение), образовательной успешности (математическая грамотность по TIMSS), а также контекстуальных факторов (напряженность регионального рынка труда, насыщенность регионального рынка образования).

Использованы данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии». Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Материал будет интересен тем, кто разрабатывает и реализует политику в области высшего образования и молодежной занятости, а также широкому кругу читателей в университетском сообществе — руководителям и специалистам образовательных организаций, исследователям высшего образования и рынка труда, выпускникам и студентам вузов.

Оглавление

Введение.....	4
Данные и методология.....	6
Характеристика выборки.....	9
1. Девять паттернов в образовательно-карьерных траекториях.....	11
2. Различия в образовательно-карьерных траекториях.....	14
2.1. Продолжение обучения в магистратуре.....	14
2.2. Совмещение учебы и работы.....	14
2.3. Опыт работы.....	16
2.4. Прекариальное положение.....	16
3. Положение на рынке труда в 2020 году.....	20
3.1. Статус на рынке труда и сфера занятости.....	20
3.2. Трудовой доход и работа по специальности.....	22
4. Социально-демографические и индивидуальные характеристики участников траекторий.....	25
4.1. Гендерные различия.....	25
4.2. Культурный капитал семьи.....	26
4.3. Образовательные притязания.....	27
4.4. Человеческий капитал: математическая грамотность.....	29
4.5. Семейное положение.....	30
4.6. Регион проживания: рынок труда и рынок образования.....	32
Заключение.....	35
Литература.....	38

Введение

Образовательно-карьерная траектория — это смена состояний в образовании и на рынке труда. В идеале – от школьника к студенту и к постоянной занятости. Однако фактические траектории молодежи в развитых странах все более нелинейны и прекариальны [Walther, Plug, 2006; Furlong, 2016]. Студенты начинают работать задолго до окончания образования, граница между учебой и работой размывается, а само обучение становится все более затяжным. В этой нарастающей сложности привычные категории, такие как «выход на рынок труда», однократный переход из состояния А в состояние В, стремительно теряют актуальность. Образовательно-карьерная траектория — это извилистый путь с множеством остановок.

Темой образовательно-карьерных маршрутов занимаются и социологи, и экономисты. В социологических исследованиях изучается *процесс* переходов между учебой и работой в рамках концепции жизненного пути [Monaghan, 2020; Павленко, Якубовская, 2020], *паттерны* переходов и институциональном, социальном и прочих контекстах [Walther, 2006; Lorentzen et al., 2019]. В социологии образования различают несколько типов паттернов по типу перехода [Plug, Du Bois-Reymond, 2006]. Например, линейный тип подразумевает мягкий переход из учебы в постоянную занятость без возврата в образование; а реверсивный, напротив, — возвращение выпускника в образование после выхода на рынок труда. Отдельно выделяется прекариальный, или нелинейный паттерн, когда выход на рынок труда сопряжен с затяжными периодами временной занятости, неактивности, безработицы.

Экономисты исследуют *результат* траектории, *эффективность* инвестиций в человеческий капитал, где критерием выступает статус на рынке труда и уровень заработной платы. В частности, из исследований по России известно, что факторами эффективного перехода на рынок труда выступают наличие высшего образования [Рошин, 2006; ВШЭ, 2020], совмещение учебы и работы по специальности [Roshchin, Rudakov, 2017; Dudyrev, Romanova, Travkin, 2020], окончание селективного вуза [Рошин, Рудаков, 2016]. Получение более высокого образования в соответствии с теорией человеческого капитала [Becker, 1962] подразумевает наращивание человеческого капитала, а получение опыта работы во время обучения, особенно по специальности, позволяет накапливать специфический человеческий капитал еще до полноценного выхода на рынок. Это позитивно влияет на результаты на рынке труда — занятость и уровень заработной платы.

Мы пытаемся учесть оба подхода и исследуем паттерны в образовательно-карьерных траекториях недавних выпускников вузов, следуя социологической рамке, однако учитывая ключевые находки экономистов в этой области. Цель исследования — зафиксировать разнообразие траекторий и высказать предположения о природе этих различий. Наше исследование отвечает на следующие вопросы:

- Каковы образовательно-карьерные маршруты недавних выпускников российских вузов, чем они отличаются друг от друга?
- Какие траектории более успешны и устойчивы?
- Какие характеристики могут быть связаны с нахождением в том или ином паттерне?

Эмпирической базой исследования выступают девять волн (2012–2020 гг.) национальной панели когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (далее — ТРОП)¹. На этих данных мы проследим девятилетние траектории тех, кто к 2020 году получил высшее образование. Для изучения траекторий используется анализ последовательностей (*sequence-cluster analysis*) — зарекомендовавший себя в социологических исследованиях метод, позволяющий выявлять и кластеризовать паттерны изменения статусов в образовании и на рынке труда.

У нашего исследования есть следующее ограничение. Траектории выпускников и их успешность могут быть связаны со временем выхода на рынок труда, а значит, исследования на одной когорте могут носить отчасти кейсовый характер. Данное исследование отражает ситуацию для когорты девятиклассников 2012 года, получивших высшее образование к 2020-му. В перспективе сплошной мониторинг трудоустройства выпускников Минтруда России создаст более прочную основу для изучения траекторий различных когорт выпускников.

Результаты исследования могут быть полезны в информировании политики в области образования и молодежной занятости, фокусировке политики на снижение неравенства и повышение доступа к высшему образованию, также они могут быть интересны широкому кругу читателей в университетском сообществе, самим выпускникам и студентам, помогая им понимать разнообразие возможных образовательно-карьерных маршрутов и потенциальные сложности на этом пути, особенно в контексте новых вызовов для молодежного рынка труда в условиях пандемии.

¹ <<http://trec.hse.ru/>>. Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Данные и методология

Исследование основано на данных национальной панели когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии», которое проводится ежегодно с 2012 года на базе репрезентативной выборки. Данные базы позволяют отследить образовательно-карьерные траектории когорты девятиклассников на протяжении девяти лет — с 2012 по 2020 год. В работе используются данные девяти доступных волн ТрОП, а также данные базовой волны TIMSS-2011².

Для исследования образовательно-карьерных траекторий выбран метод анализа последовательностей (*sequence-cluster analysis*) [Brzinsky-Fay, 2014; Brzinsky-Faya, Solga, 2016; Monaghan, 2020]. Суть метода заключается в классификации сценариев изменения состояния или характеристик объекта во времени. В случае образовательно-карьерных траекторий анализируется последовательность смены состояния (статуса) в образовании и на рынке труда. Для анализа траекторий на данных ТрОП были введены девять статусов, характеризующих положение в образовании и на рынке труда (табл. 1).

Таблица 1. Статусы, использованные для анализа образовательно-карьерных траекторий

№ статуса	Статус	Описание статуса
1	Учеба в школе	Учится в средней школе ³
2	Учеба в колледже	Учится в колледже и не работает
3	Учеба в вузе	Учится в вузе и не работает
4	Временная занятость	Не учится, имеет временную занятость (нерегулярная работа, неполный рабочий день)
5	Постоянная работа	Не учится, имеет постоянную занятость (работа полный день, нахождение в отпуске, в том числе декретном)

² Базовая волна исследования была проведена в 2011 г., когда 4893 восьмиклассников приняли участие в международном исследовании качества школьного математического и естественнонаучного образования TIMSS-2011. С 2012 г. эти школьники опрашиваются в рамках проекта ТрОП.

³ Все респонденты в 1-й волне (9 класс).

№ статуса	Статус	Описание статуса
6	Неактивность ⁴	Не учится, не работает, не ищет работу или проходит военную службу ⁵
7	Безработица	Не учится, не работает, ищет работу
8	Совмещение учебы в колледже и работы	Учится в колледже и работает
9	Совмещение учебы в вузе и работы	Учится в вузе и работает

На первом этапе⁶ для каждого наблюдения была составлена цепочка последовательности смены статусов в течение девяти волн. При формировании цепочек произошло осыпание выборки (с 3827 наблюдений в первой волне до 2082), данные были взвешены для приведения к параметрам генеральной совокупности девятиклассников 2012 года. Результат взвешивания показал несмещенность выборки, поэтому дальнейший анализ основан на выборке без весов. Цепочка последовательности построена из статусов, зафиксированных в каждой из девяти волн в момент ее проведения, и имеет следующий вид:

1-1-1-3-3-9-9-6-5,

где 1–9 — это статус респондента в очередной волне (см. обозначения в табл. 1).

Продолжительность нахождения в статусе рассчитывается как количество периодов между отметками об этом статусе. В нашем исследовании периодом, в силу структуры данных ТрОП, является не месяц, а год. Поэтому у респондента, который четыре волны подряд указывал учебу в вузе, будет учтено три периода нахождения в этом статусе, а не четыре. Таким образом, рассчитанная продолжительность нахождения в статусе не является календарным сроком учебы в вузе или работы, а служит условным параметром для сопоставления траекторий.

На втором этапе в соответствии с алгоритмом *optimal matching* создана матрица переходов, где рассчитана цена перехода из одного статуса в дру-

⁴ В соответствии с подходом МОТ и Росстата, студентов дневных отделений принято причислять к экономически неактивным, однако для целей данного исследования все обучающиеся были выделены из категории неактивных.

⁵ Респонденты, отслужившие в армии, были указаны как неактивные в соответствующую волну.

⁶ Все этапы анализа последовательностей выполнены в пакете TraMineR в RStudio.

гой и расстояния между ними. На третьем этапе для выделения наиболее похожих траекторий (паттернов) использовался иерархический кластерный анализ методом Варда.

Кластеризация всей выборки приводит к сглаживанию различий внутри группы выпускников вузов, делая рельефными лишь отличия между выпускниками вузов, колледжей и не получившими третичного образования. Поэтому проведена отдельная кластеризация подвыборки имеющих высшее образование. К выпускникам вузов отнесены респонденты, имеющие высшее образование в 9-й волне (2020 г.). Итоговый размер выборки для анализа траекторий выпускников вузов составляет 1247 наблюдений.

По итогам кластеризации выделено девять кластеров (паттернов) образовательно-карьерных траекторий для обладателей диплома вуза.

Характеристика выборки

Участникам в последней волне опроса в 2020 году 24–25 лет (75,4% из них родились в 1996 г.). Среди получивших высшее образование к этому возрасту 64% — девушки (рис. 1). Подавляющее большинство (92,9%) респондентов не имеют детей, большинство не состоят в браке (79,1%), но проживают отдельно от родителей (72,1%).

Пол	Семейное положение	Наличие детей	Проживание
женщина 64	не состоит в браке 79,1	нет 92,9	отдельно от родителей 72,1
мужчина 36	состоит в браке 20,9		есть 7,1

Рис. 1. Характеристики выборки выпускников вузов: социально-демографический срез ($n = 1247$) (%)

Почти две трети окончивших университет в выборке получили диплом бакалавра (64%), при этом 17,2% уже успели окончить магистратуру. По состоянию на 2020 год большинство респондентов не учатся (78,6%), однако 20,2% продолжают обучение на программах высокого уровня — магистратуры, интернатуры и аспирантуры.

Половина респондентов завершили образование и имеют постоянную занятость. Продолжающие обучение преимущественно совмещают учебу с работой (14,6%). Студентов, сосредоточенных лишь на учебе, в 2020 году было всего 4,8%. По состоянию на 2020 год четверть участников выборки находилась в положении, которое можно охарактеризовать как прекариальное, то есть имели только временную занятость или пребывали в состоянии неактивности либо безработицы.

Работающие респонденты были заняты преимущественно в сфере услуг (76,2 %) — как в области социальных услуг населению, технологичных, креативных услуг, так и в области прочих услуг, связанных с торговлей и потребительским сектором. Другой важный работодатель для респонден-

тов — промышленность (21,5%). Наименьшее число респондентов работали в сельском и лесном хозяйстве (2,3%). Структура занятости в выборке соответствует общей структуре занятости в России среди имеющих высшее образование (77% занято в сфере услуг⁷).

Таблица 2. Характеристики выборки выпускников вузов: положение в образовании и на рынке труда в 2020 г. (n = 1247)

Характеристика		Доля, %
Наивысший достигнутый уровень образования	Бакалавриат	64,0
	Специалитет	18,8
	Магистратура	17,2
Продолжение обучения	Не продолжают обучение	78,6
	Магистратура	15,5
	Интернатура	3,6
	Аспирантура	1,1
	Бакалавриат	1,0
	Специалитет	0,2
Статус в образовании и на рынке труда	Постоянная работа	55,4
	Совмещение учебы и работы	14,6
	Неактивность	13,2
	Временная занятость	9,4
	Учеба в вузе	4,8
	Безработица	2,7
Сфера занятости	Промышленность и строительство	21,5
	Прочие услуги	18,0
	Образование, наука	13,4
	Информационные технологии, маркетинг, медиа	12,8
	Финансы и право	11,8
	Госслужба	8,6
	Транспорт	6,4
	Здравоохранение	5,2
	Сельское и лесное хозяйство	2,3

⁷ Труд и занятость в России. 2019. Росстат. М., 2019.

1. Девять паттернов в образовательно-карьерных траекториях

В результате кластеризации выделены девять паттернов в образовательно-карьерных траекториях участников лонгитюда — обладателей диплома вуза к 2020 году, которые мы объединили в три группы (укрупненный тип паттерна).

Первая группа паттернов — короткое обучение и работа (табл. 3). К этому типу отнесены три паттерна, для которых характерен выход на рынок труда после получения высшего образования (бакалавриат или специалитет) без последующего продолжения обучения. Различие между этими тремя паттернами — наличие практики совмещения учебы и работы. Если в линейном паттерне участники вообще не имели опыта работы до момента окончания вуза, то карьерный паттерн включает тех, кто начал работать еще на первом курсе и имеет самый большой опыт работы во всей выборке. Паттерн «Линейный с совмещением» является промежуточным по выраженности практики совмещения учебы и работы — здесь подработка началась лишь на старших курсах вуза.

Таблица 3. Группа 1. Короткое обучение и работа

№ паттерна	Название паттерна	Описание паттерна	Вес в выборке, %
1	Линейный	Переход из учебы в вузе на рынок труда без совмещения во время обучения и без возврата в образование	15,0
2	Линейный с совмещением	Переход из учебы в вузе на рынок труда без возврата в образование, но при совмещении учебы и работы на старших курсах	11,9
3	Карьерный	Совмещение учебы и работы в течение всего времени обучения в вузе, далее продолжение работы без возврата в образование	6,5

Вторая группа паттернов — длительное обучение (табл. 4). К этому типу отнесены паттерны, в которых участники в подавляющем большинстве продолжили обучение после завершения первого уровня высшего образования. Между собой паттерны дифференцируются по практике со-

вмещения учебы и работы, а также по длительности опыта работы. Так, в отложенном паттерне обучение не сопровождалось совмещением с работой ни в бакалавриате, ни в магистратуре, а сейчас участники только начинают выходить на рынок труда. Длинный карьерный паттерн — противоположность отложенного. Его участники работают с первого курса бакалавриата и продолжают совмещать работу и учебу, обучаясь в магистратуре. Участники длинного линейного паттерна не стремились быстро выйти на рынок труда, когда получали первое высшее образование, однако начали работать, поступив в магистратуру. Реверсивный паттерн включает тех, кто не сразу после окончания бакалавриата/специалитета решил продолжить обучение, а совершил возврат в образование после выхода на рынок труда, а потом продолжил учиться в магистратуре, совмещая учебу и работу.

Таблица 4. Группа 2. Длительное обучение

№ паттерна	Название паттерна	Описание паттерна	Вес в выборке, %
4	Отложенный	Продолжение обучения в вузе без выхода на рынок труда и совмещения учебы и работы	15,3
5	Реверсивный	Учеба без работы, возврат в образование с совмещением с работой	8,5
6	Длинный линейный	Выход на рынок труда после длительного обучения с совмещением учебы и работы	9,7
7	Длинный карьерный	Совмещение учебы и работы в течение всего времени обучения в вузе, далее продолжение одновременно учебы и работы	12,1

Третья группа паттернов — смешанная (табл. 5). Сюда отнесены два паттерна, отличные от остальных. Транзитный паттерн включает тех, кто совершил прогрессию (транзит) в высшее образование после окончания колледжа на базе девяти классов и к 2020-му году стал выпускником вуза. В этом паттерне участники практиковали совмещение учебы и работы как в период обучения в колледже, так и на старших курсах вуза. В прекариальном паттерне оказались участники с различным образовательным опытом, что не позволяет отнести паттерн к первому или второму типу. Главная отличительная черта участников этого кластера — длительное нахождение в прекариальном положении на рынке труда.

Таблица 5. Группа 3. Смешанные паттерны

№ паттерна	Название паттерна	Описание паттерна	Вес в выборке, %
8	Транзитный	Транзит в вуз после окончания колледжа на базе 9 классов с совмещением учебы и работы	7,0
9	Прекариальный	Смешанный паттерн с длительным нахождением в прекариальном положении	14,0

2. Различия в образовательно-карьерных траекториях

Что отличает эти девятилетние образовательно-карьерные маршруты друг от друга, что лежит в основе выделения паттернов? Четыре характеристики: 1) продолжение обучения в магистратуре, 2) распространенность практики совмещения учебы и работы, 3) длительность опыта работы, 4) нахождение в прекариальном положении на рынке труда.

Рассмотрим каждую характеристику в разрезе девяти паттернов.

2.1. Продолжение обучения в магистратуре

Факт продолжения обучения в магистратуре зримо дифференцирует паттерны по выделенным типам (рис. 2). Участники паттернов первого типа, в отличие от паттернов второго, в подавляющем большинстве не продолжили обучение в магистратуре. Охват программами магистратуры в этих паттернах варьируется от 62,3 до 75,2%, включая уже завершённое и продолжающееся образование. В отложенном и реверсивном линейном паттернах 40% участников уже имеют диплом магистра. Рекордно много продолжают обучение в магистратуре (75,2%) в длинном линейном паттерне — это самый «образованный» кластер во всей выборке выпускников вузов.

Учеба в магистратуре оформилась в отдельную образовательную траекторию. Обучение в магистратуре, получение более высокого уровня образования — экономически обоснованное решение. Выпускники вузов с магистерской степенью имеют ощутимую зарплатную «премию» на российском рынке труда, однако со значительной вариацией по специальностям и типу вуза [Рожкова и др., 2021].

2.2. Совмещение учебы и работы

Если продолжение обучения в магистратуре делит паттерны на две типа, то совмещение учебы и работы дифференцирует их внутри этих типов. На рисунке 3 показано, как различаются паттерны, одинаковые на первый взгляд, по длительности обучения. Распространенность подработки сильно варьируется: одни работали в течение всего времени обучения в вузе, другие начали с середины бакалавриата или специалитета, третьи — только в магистратуре, а иные вообще не имели опыта работы вплоть до окончания

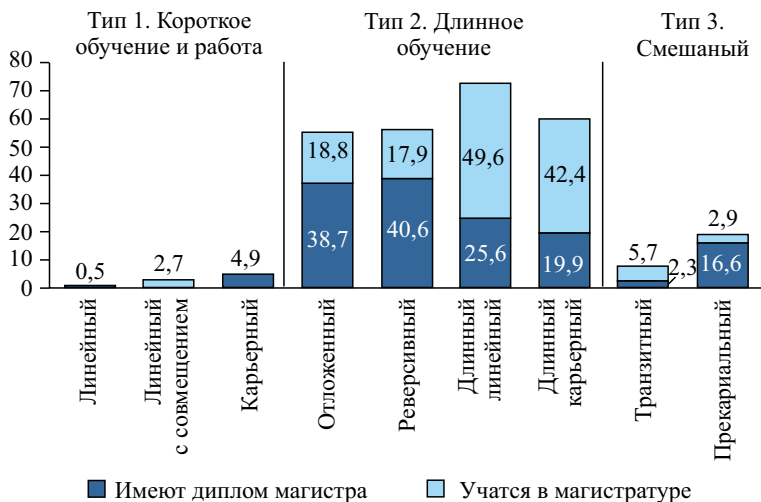

Рис. 2. Продолжение обучения в магистратуре, доля наблюдений в кластере (%)

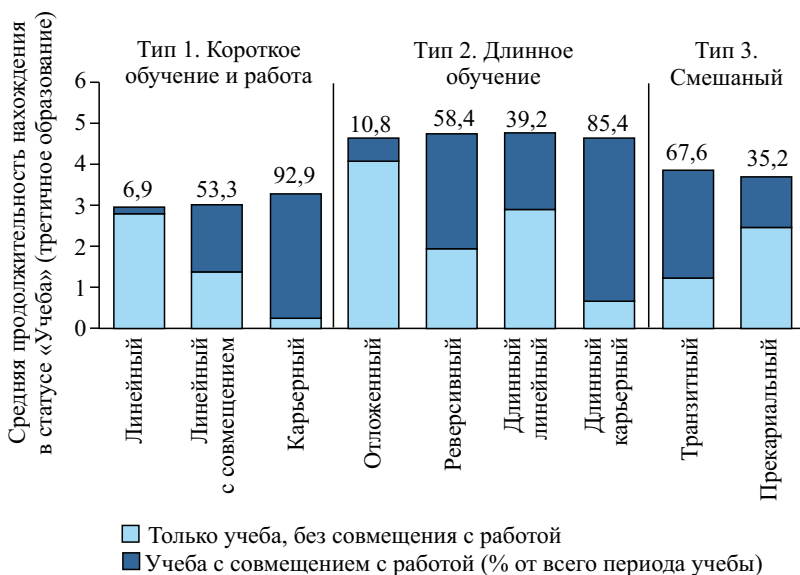

Рис. 3. Продолжительность третичного образования: только учеба vs совмещение учебы и работы (%)

вуза. Отдельный случай составляет транзитный паттерн: студенты совмещали учебу и работу как в колледже на старших курсах, так и после — в вузе.

Совмещение учебы и работы — значимая часть паттерна образовательного-карьерного перехода выпускников российских вузов. Приобретение опыта работы во время обучения мотивировано не только финансовыми соображениями, но и стремлением смягчить переход к постоянной занятости [Roshchin, Rudakov, 2017]. Более того, выпускники, совмещавшие учебу и работу, особенно по специальности, при выходе на рынок труда имеют зарплатную «премию» [Dudyrev, Romanova, Travkin, 2020].

2.3. Опыт работы

Самый большой опыт работы⁸ (пять и более лет) наблюдается в паттернах, где участники работали в течение всего времени обучения в вузе (рис. 4). Выход на рынок труда, понимаемый как переход в занятость после завершения образования, совершен преимущественно в паттернах первого типа, где обучение завершено. Здесь среднее пребывание на рынке труда в статусе постоянной занятости после окончания вуза составляет более двух лет. В паттернах с длинным образованием участники только начинают выходить на рынок труда — более 80% их опыта работы пока составляет совмещение учебы и работы.

Опыт работы 24–25-летних выпускников вузов варьируется в широких пределах. С одной стороны, у преодолевших лишь одну ступень высшего образования более длительный стаж работы. С другой стороны, и среди тех, кто продолжает образование и формально не вышел на рынок труда, многие имеют близкий по длительности опыт работы, хоть и в формате совмещения. Продолжительность обучения и длительность профессионального стажа, в соответствии с теорией человеческого капитала, составляют основу для моделирования заработных плат: при прочих равных, чем выше уровень образования и продолжительнее опыт работы, тем выше трудовой доход.

2.4. Прекариальное положение

Средняя продолжительность нахождения в прекариальном положении⁹ значительно варьируется по паттернам (рис. 5). В относительных

⁸ К опыту работу относится постоянная занятость после выхода на рынок труда и практика совмещения учебы и работы.

⁹ К прекариальному положению относится как прекариальная занятость (все формы нестандартной занятости, прежде всего, временная), так и иные нестабильные положения

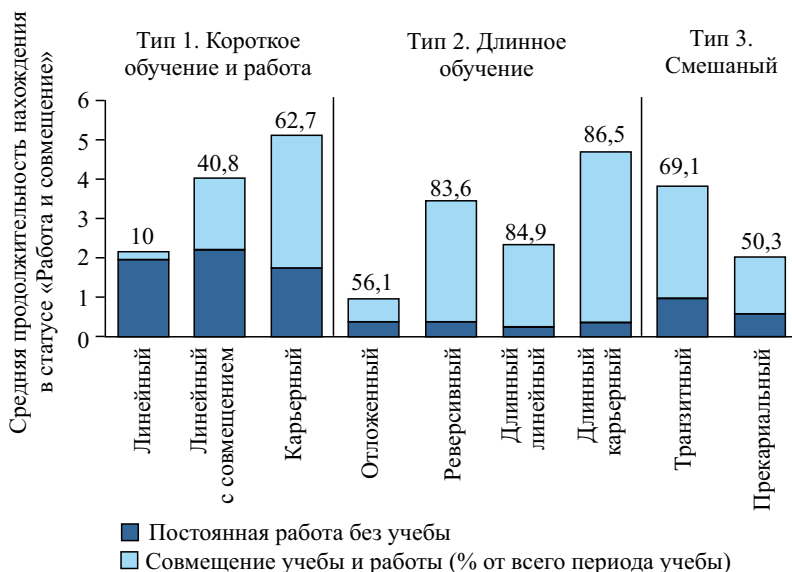

Рис. 4. Продолжительность опыта работы: постоянная занятость и совмещение учебы и работы (%)

показателях выпускники находились в прекариальном статусе от 13 до 64% времени нахождения на рынке труда, вне образования. Эти данные необходимо интерпретировать с осторожностью, так как паттерны различаются по длительности нахождения на рынке труда из-за разной продолжительности образования. Наиболее успешными с точки зрения доли времени, проведенного в нестабильности, выглядят паттерны первого типа, где участники вышли на рынок труда раньше остальных из-за короткого обучения. В паттернах второго типа, участники которого только выходят на рынок труда после завершения магистратуры, относительная продолжительность периода нестабильности значительно выше и доходит до 54%. Самый нестабильный паттерн — прекариальный: здесь среднее время на

на рынке труда. В данном исследовании к прекариальному положению приравнены любые статусы вышедших на рынок труда, кроме постоянной занятости: временная занятость, неактивность (в том числе прохождение военной службы), безработица. Совмещающие учебу и работу не относятся к вышедшим на рынок труда, потому не были включены в состав прекариата, даже если находились в статусе временной занятости.

хождения в нестабильности превышает год, это более 64% от времени нахождения на рынке труда.

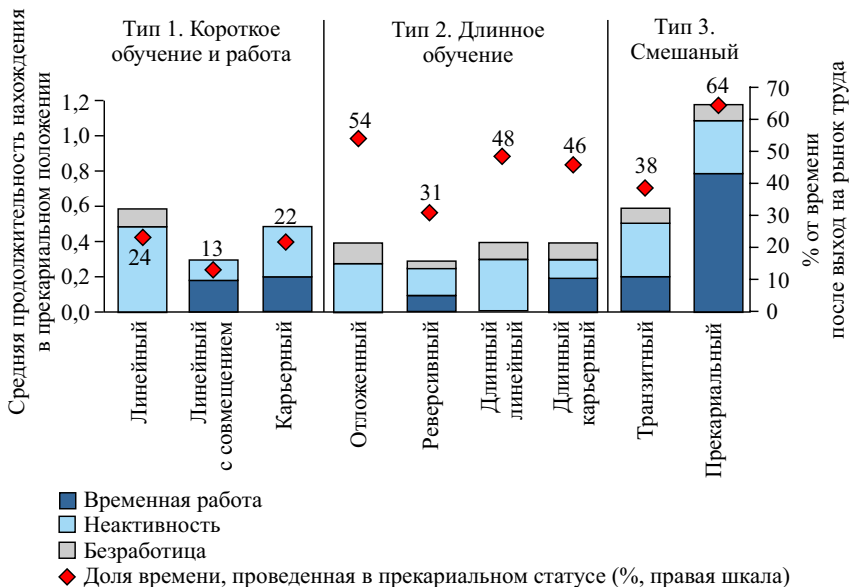

Рис. 5. Продолжительность и структура прекариального положения в разрезе паттернов (%)

Из трех относящихся к прекариальным статусов самый популярный по длительности нахождения — неактивность (рис. 5), что отчасти может быть связано с прохождением военной службы. Исключением является прекариальный паттерн, где широко представлена временная занятость. Безработица, как наименее желательное состояние на рынке труда, представлена в паттернах образовательно-карьерных переходов, но минимально. Во-первых, это может быть связано с общей особенностью российского рынка труда — низкой безработицей. Несмотря на то, что наибольшая когорта среди безработных в России — молодежь в возрасте 20–29 лет [Солнцев, Емелина, Лопатина, 2021], имеющие высшее образование в наименьшей степени подвержены безработице. Во-вторых, уровень безработицы выпускников снижается по мере увеличения времени с момента окончания вуза и через несколько лет приходит к среднему значению по населению [Лищук, Капелюк, 2019].

* * *

Основная развилка в траекториях 25-летних выпускников вузов связана, прежде всего, с образованием, а именно с продолжением обучения после завершения первого уровня высшего образования. Это делит траектории на две группы: продолжающих накопление общего человеческого капитала и тех, кто сделал ставку на развитие специфического человеческого капитала, выбрав переход на рынок труда. Однако практика совмещения учебы и работы стала массовой и отмечается практически во всех паттернах, что не позволяет говорить о периоде обучения в университете исключительно в терминах накопления общего человеческого капитала. Многие из тех, кто продолжил обучение в магистратуре, реализуют двойную стратегию: одновременное накопление общего и специфического человеческого капитала. В долгосрочной перспективе это должно принести дивиденды в виде более высоких заработков и защитить от неустойчивой занятости, прекариальности.

3. Положение на рынке труда в 2020 году

3.1. Статус на рынке труда и сфера занятости

По состоянию на 2020 год, только в паттернах с коротким обучением и активным совмещением учебы и работы большинство выпускников находятся в постоянной занятости и вышли на рынок труда (рис. 6). В остальных паттернах продолжается обучение, совмещаемое с учебой, а также наблюдаются прекариальные состояния.

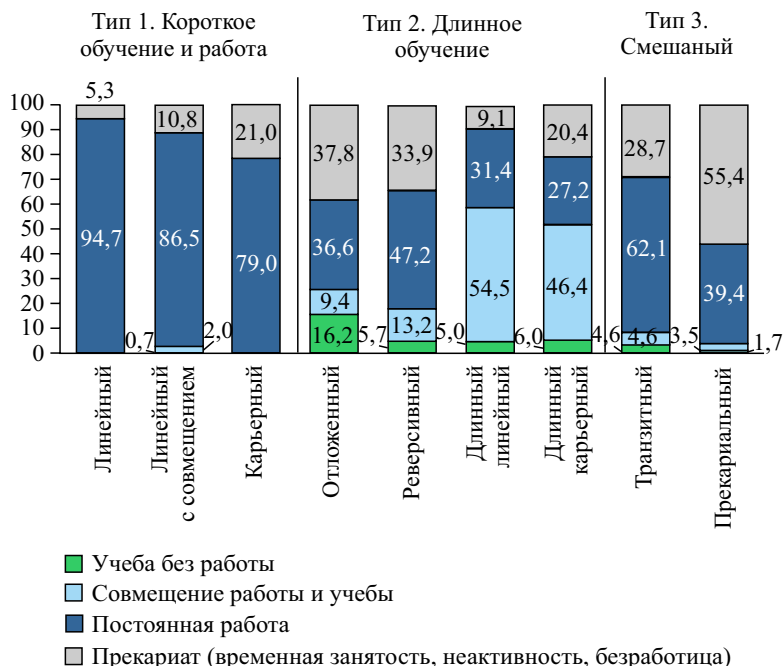

Рис. 6. Статус в образовании и на рынке труда в 2020 году (% наблюдений в кластере)

В паттернах с коротким образованием подавляющее большинство выпускников трудоустроены. Здесь доля занятых на постоянной работе варьируется от 79 до 95%. Более того, в линейном паттерне практически нет тех, кто бы находился в прекариальном положении. Среди паттернов с длительным обучением наименьшая доля прекариата наблюдается в длинном линейном паттерне и наибольшая — 37,8% — в отложенном, участники которого не спешат с выходом на рынок труда. Самая выраженная нестабильность отмечается в одноименном прекариальном паттерне: здесь более половины выпускников в 2020 году находились во временной занятости, неактивности или состоянии безработицы.

Девятая волна опроса была проведена осенью 2020 года, таким образом, возможные эффекты пандемии на занятость молодежи и переход от учебы к работе уже могли проявиться. Мы зафиксировали несколько симптомов роста прекариальности. В 2020 году 20% участников выборки перешли из временной занятости в неактивность, тогда как в 2019-м такие переходы наблюдались лишь у 5%. Повысилась доля переходов из совмещения в неактивность, медленнее происходил переход из временной занятости в постоянную. Хотя зафиксированные явления и не носят обвальныи характер, они скорректировали планы участников паттернов с длинным обучением, многие из которых пытались совершить переход в постоянную занятость, а также участников транзитного и прекариального паттернов, где и раньше уровень нестабильности был выше.

Сфера услуг, включающая как социальные услуги, так и услуги сферы обслуживания, — главный работодатель выпускников вузов: доля занятых варьируется по паттернам от 63,9 до 88,5% (рис. 7). Сфера услуг оттягивает больше выпускников в паттернах первого типа, с коротким обучением, тогда как в паттернах с продолжением обучения выше средней по выборке доля занятых в промышленности.

Помимо различий в занятости по двум секторам (сфере услуг и промышленности), не менее дифференцирующим стало выделение внутри сферы услуг деятельности в области образования, здравоохранения, социальных услуг и государственного управления. Эти профессиональные области аккумулируют треть работников с высшим образованием в России и часто требуют более длительного обучения из-за квалификационных требований. Данные исследования в целом это подтверждают: в паттернах с более продолжительным образованием доля занятых в этой деятельности выше, чем в остальных, а в двух паттернах с коротким обучением и транзитном паттерне доля таких занятых в два раза ниже средней по России.

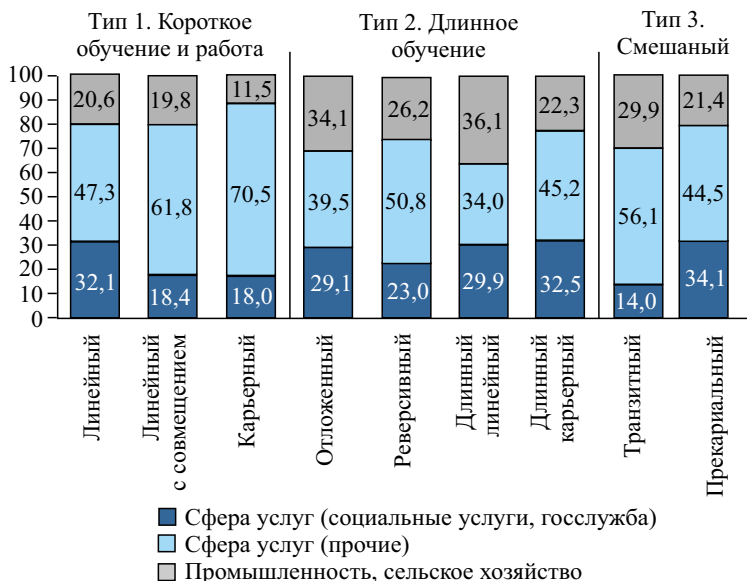

Рис. 7. Сферы занятости в 2020 г. (% наблюдений в кластере)

3.2. Трудовой доход и работа по специальности

Средний трудовой доход выпускников в 2020 году (рис. 8) был выше в паттернах первого типа — с коротким образованием, более продолжительным периодом постоянной занятости, временем пребывания на рынке труда после получения образования. Самые низкие трудовые доходы фиксировались среди тех, кто получал высшее образование после окончания колледжа (транзитный паттерн). В паттернах с длительным обучением отмечен выраженный разброс в доходах, который слабо коррелирует с продолжительностью опыта работы и наличием диплома магистра.

В целом, размер среднего трудового дохода в 2020 году был положительно связан с продолжительностью опыта работы, но эта связь не сильная. Это может быть вызвано различиями в качестве накопленного человеческого капитала как в период обучения, так и на рынке труда, а также личными характеристиками и состоянием регионального рынка труда.

Другой фактор, влияющий на уровень зарплаток выпускников, — работа по специальности. Доля работающих не по специальности варьиру-

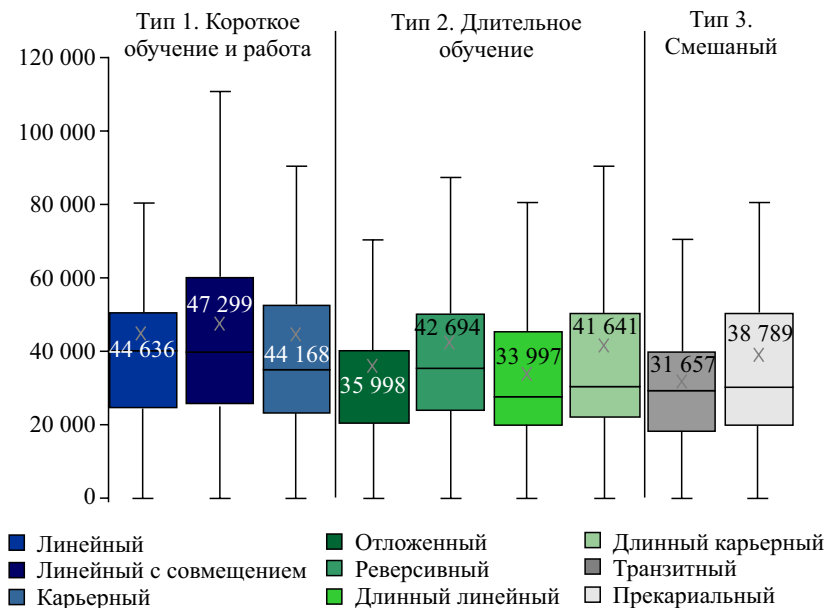

Рис. 8. Трудовой доход в 2020 г. (руб.)

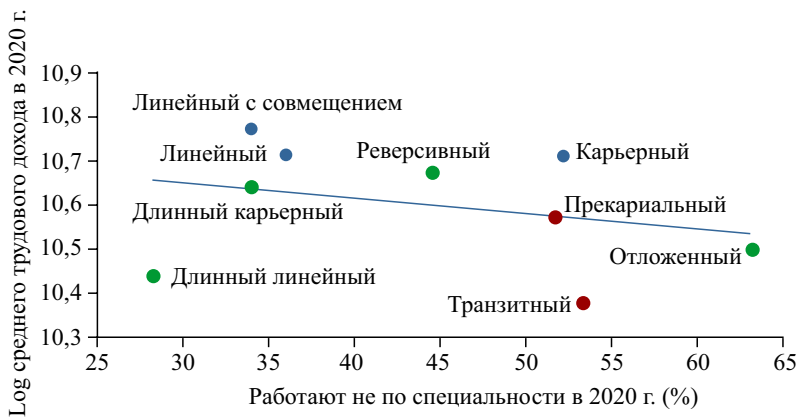

Рис. 9. Отношение средней заработной платы и доли работающих не по специальности в 2020 г.

ется от 28,1 до 62,8%. Размер среднего трудового дохода в 2020 году был отрицательно связан с распространенностью работы не по специальности (рис. 9). В паттернах с большей долей выпускников, работающих не по специальности, средний трудовой доход оказался ниже. Это соответствует исследованиям о зарплатном «штрафе» при работе не по специальности [Колосова, Рудаков, Роцин, 2020].

* * *

Если оценивать успешность трудовой траектории по положению на рынке труда в 2020 году, когда участникам нашей выборки было 24–25 лет, то оказывается, что выпускники, не продолжившие обучение, демонстрировали более устойчивые позиции на рынке труда в сравнении с теми, кто только получил диплом магистра или еще учился в магистратуре и на других программах высокого уровня. Почти все из них были заняты на постоянной работе и имели более высокий трудовой доход. С одной стороны, это согласуется с теорией человеческого капитала: эти выпускники несколько лет назад вышли на рынок труда и активно накапливали специфический человеческий капитал, что отразилось на заработках и устойчивости занятости. С другой стороны, выводы об успешности траекторий преждевременны. Выпускники, выбравшие более длительное обучение, после окончательного выхода на рынок труда могут реализовать преимущество в накопленном человеческом капитале на последующих этапах развития карьеры. Однако, как показал пандемичный 2020 год, этот переход от учебы к постоянной работе может не быть гладким. Особенно негативное влияние могут испытать те, кто не имеет опыта работы, в том числе в формате совмещения учебы и работы.

Отдельный случай составляют выпускники, поступившие в вуз после колледжа. Более низкий средний трудовой доход и более высокая распространенность прекариальных состояний вписывается в теорию человеческого капитала. Школьники, поступающие в колледжи после 9-го класса, в среднем имеют более низкую успеваемость [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018], что влияет на накопление общего человеческого капитала. Опыт работы и практика совмещения учебы и работы могут не идти в «копилку» специфического человеческого капитала из-за различий в уровне квалификации совмещаемой работы в ходе обучения в колледже и вузе. Однако и в этом случае рано делать выводы относительно успешности траектории — многие из выпускников завершили обучение лишь год назад. Во-вторых, траектории участников транзитного паттерна колледж – вуз также важно сопоставлять с карьерными маршрутами выпускников колледжей, имеющих близкие социально-экономические характеристики и первоначальный запас общего человеческого капитала.

4. Социально-демографические и индивидуальные характеристики участников траекторий

Дифференциация траекторий по длительности образования, опыту работы, распространенности прекариальных состояний говорит о разнообразии мотиваций и контекста, в которых молодежь принимает образовательно-карьерные решения. Рассмотрим основные характеристики, которые могут оказывать влияние на образовательно-карьерные маршруты и шансы оказаться в одном из выявленных паттернов: социально-экономические (культурный капитал семьи, образовательные притязания), индивидуальные параметры человеческого капитала (балл TIMSS по математике), демографические (гендер, семейное положение), регион проживания (напряженность рынка труда и насыщенность рынка высшего образования).

4.1. Гендерные различия

Несмотря на существенный перевес женщин среди получивших высшее образование (64%), в паттернах, связанных с получением более высокого уровня образования, мужчин и женщин почти поровну (рис. 10). При этом женщин значительно больше (более 70%) в линейных паттернах с высоким участием на рынке труда, постоянной занятостью, а также в транзитном паттерне.

На российском рынке труда существует гендерный разрыв в оплате труда, в том числе в начале карьеры, у выпускников вузов [Кирюшина, Рудаков, 2021]. Наши данные указывают еще на одну зону углубления гендерного неравенства. Фактический образовательный трек девушек к 25 годам оказался ниже их образовательных притязаний¹⁰ на 7,7 п. п. (рисунок 11). При этом выпускницы вузов в нашей выборке только вступили в активный репродуктивный возраст и находятся на этапе накопления человеческого капитала. Меньшая представленность молодых женщин в траекториях, ведущих к более высокому уровню образования, может сказаться на их заработках в долгосрочной перспективе и привести к углублению гендерного разрыва в оплате труда.

¹⁰ См. подробнее: [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020].

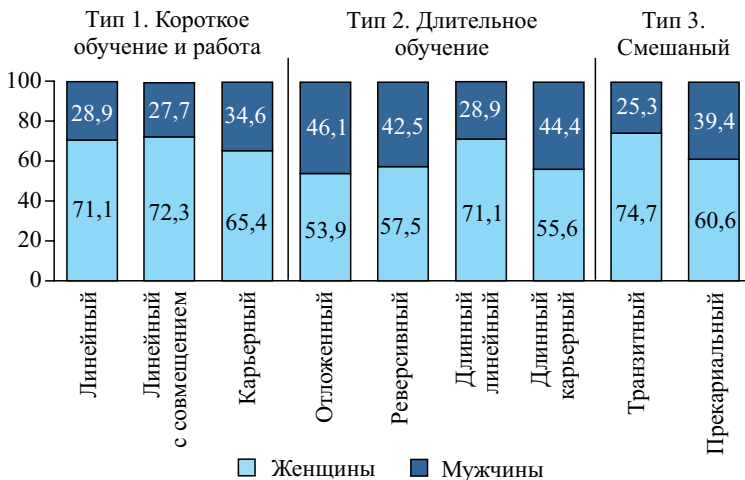

Рис. 10. Гендерное распределение по паттернам (% наблюдений в кластере)

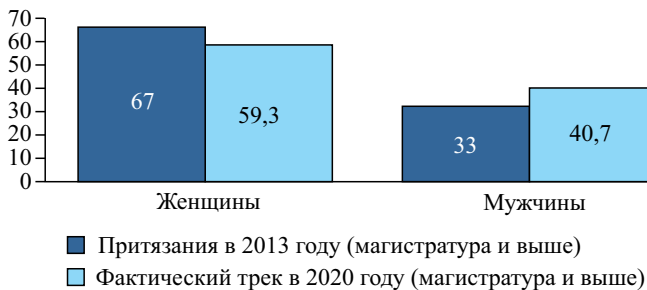

Рис. 11. Образовательные притязания и фактический образовательный трек в зависимости от гендера (%)

4.2. Культурный капитал семьи

Длительность образовательного трека находится в положительной и тесной связи с культурным капиталом семьи (рис. 12): чем он выше, тем продолжительнее период формального образования. Так, паттернам с коротким циклом высшего образования и быстрым выходом на рынок труда сопутствует значительно меньший семейный культурный капитал.

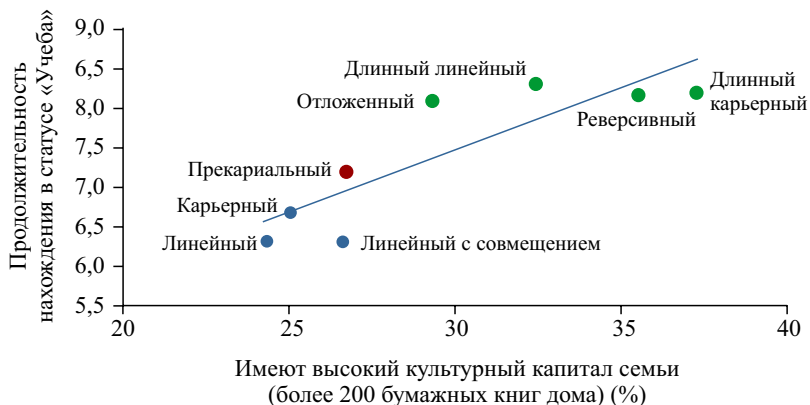

Рис. 12. Отношение продолжительности обучения и культурного капитала семьи

Примечание: График построен без учета транзитного паттерна из-за специфичной продолжительности образования (девять классов — колледж — вуз).

Нахождение в паттернах с длительным обучением означает достижение более высокого уровня образования и заработков в будущем. За длительным обучением, продолжением обучения в магистратуре может стоять более высокая успеваемость и селективность вуза, где было получено первое образование. Однако оба эти параметра также тесно связаны с семейным капиталом, в том числе культурным [Прахов, 2015]. Это актуализирует вопрос о социально-экономическом неравенстве не только на уровне образовательных траекторий, но и в последующих карьерных маршрутах.

4.3. Образовательные притязания

Продолжительность обучения положительно связана с образовательными притязаниями (рис. 13). В паттернах с более длительным образованием больше тех, кто в 10-м классе проявлял высокие образовательные ожидания — планировал закончить магистратуру/аспирантуру или получить два высших образования. Наименьшие образовательные амбиции у выпускников в транзитном и прекариальном паттернах.

Вариация высоких образовательных притязаний между паттернами умеренная — дальше одной ступени высшего образования планировали

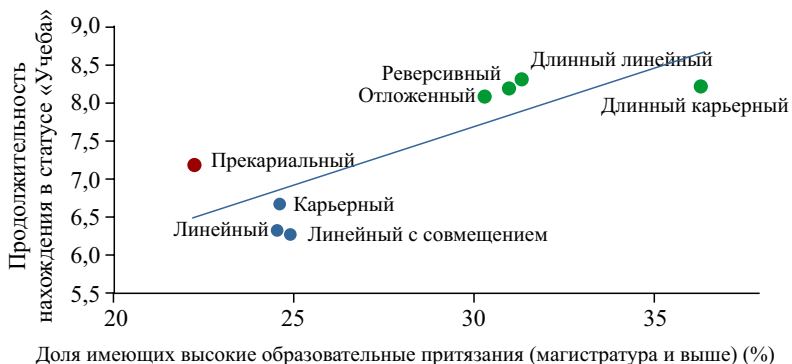

Рис. 13. Отношение продолжительности обучения и образовательных притязаний

Примечание: График построен без учета транзитного паттерна из-за специфичной продолжительности образования (девять классов — колледж — вуз).

идти от 18,4 до 36,4%. Однако фактические траектории оказались значительно более контрастными (рис. 14). Участники паттернов с коротким образованием, высказавшие в десятом классе высокие ожидания, не реализовали свою интенцию к 25 годам. Обратная ситуация в паттернах с длительным обучением: многие поставили эту цель еще во время обучения в университете (или это стало результатом высоких родительских притязаний), в итоге реализовавших амбициозную образовательную траекторию здесь почти в два раза больше имевших такие ожидания.

Высокие образовательные и карьерные притязания связаны с более высокими результатами на рынке труда [Mann, Denis, Percy, 2020]. Более того, образовательные притязания, превышающие требуемый уровень образования в желаемой профессии, являются предиктором более высоких заработков и повышают шансы на престижную работу [Kim, Klager, Schneider, 2019]. При этом образовательные притязания тесно связаны с успеваемостью и социально-экономическим статусом семьи. Предыдущие исследования на данных ТрОП [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020] показали, что высокие образовательные ожидания имеют выходцы из семей с родителями, имеющими высшее образование, обладатели высокого культурного капитала семьи и высокой успеваемости.

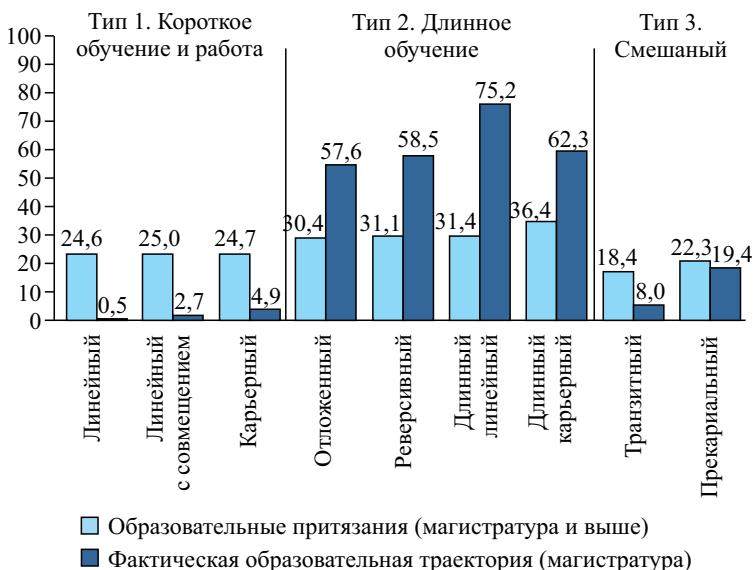

Рис. 14. Высокие образовательные притязания и фактическая образовательная траектория (%)

4.4. Человеческий капитал: математическая грамотность

Длительность нахождения в образовании к 25 годам положительно связана с уровнем математической грамотности в восьмом классе, замеренной в международном исследовании TIMSS (рис. 15). В паттернах с коротким высшим образованием и быстрым выходом на рынок труда меньше обладателей высокой математической грамотности. И наоборот, в паттернах с длинным обучением более трети участников реверсивного и отложенного вариантов имеют высокий уровень математической грамотности.

Однако связь не является сильной из-за паттернов-аутлайеров. Среди паттернов с длинным образовательным циклом выделяются два с относительно невысокой математической грамотностью, аналогичной паттернам с коротким обучением: длинный карьерный и длинный линейный. Их отличительная черта — активное совмещение учебы и работы как в бакалавриате, так и в магистратуре. Гетерогенность выпускников в паттернах с длинным обучением указывает на неоднородность программ магистратур и их несводимость к «академическому» треку.

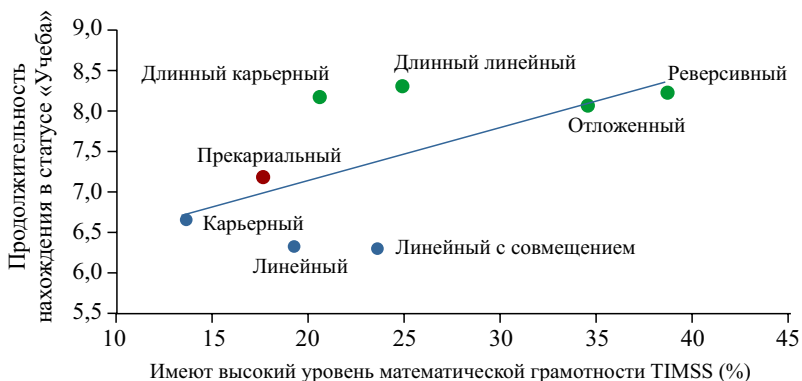

Рис. 15. Отношение продолжительности обучения и успеваемости в средней школе

Примечание: График построен без учета транзитного паттерна из-за специфичной продолжительности образования (девять классов — колледж — вуз).

4.5. Семейное положение

Подавляющее большинство выпускников (от 60,2 до 79,1%) проживают отдельно от родителей. Доля состоящих в зарегистрированном браке варьируется от 11,5 до 34,6%, молодых родителей — от 1 до 21% (рис. 16). Паттерн бакалавров, совмещавших учебу и работу с первого курса и не продолживших обучение, концентрирует наибольшую долю выпускников, состоящих в зарегистрированном браке (34,6%) и имеющих детей (21%). Другой полюс — отложенный паттерн с длительным образованием и отсутствием опыта работы; здесь минимальная брачность, а детей нет почти ни у кого.

Семейное положение — важный фактор в переходе от учебы к работе. Вступление в брак и наличие детей часто связано с ранним выходом на рынок труда, более активной практикой совмещения учебы и работы, а проживание с родителями — наоборот, с более поздним выходом на рынок труда [Роцин, 2006]. Наши данные по паттернам подтверждают положительную связь между длительностью опыта работы, включая совмещение учебы и работы, и наличием детей (рис. 17).

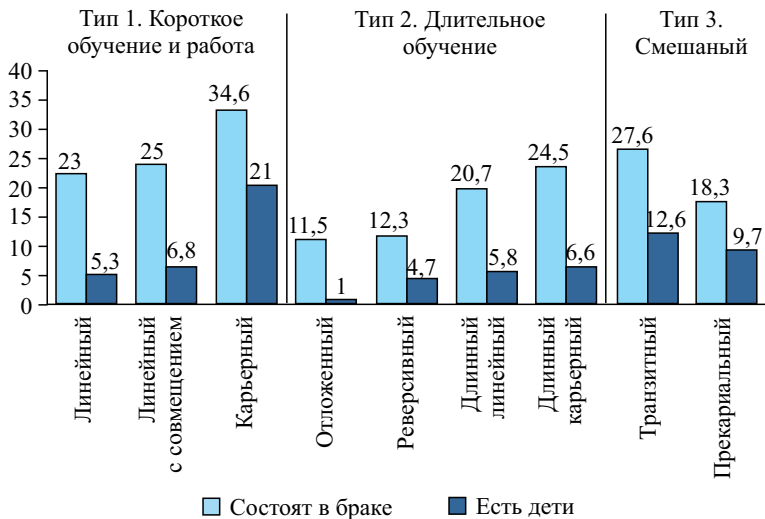

Рис. 16. Семейное положение выпускников вузов к 2020 году
(% наблюдений в кластере)

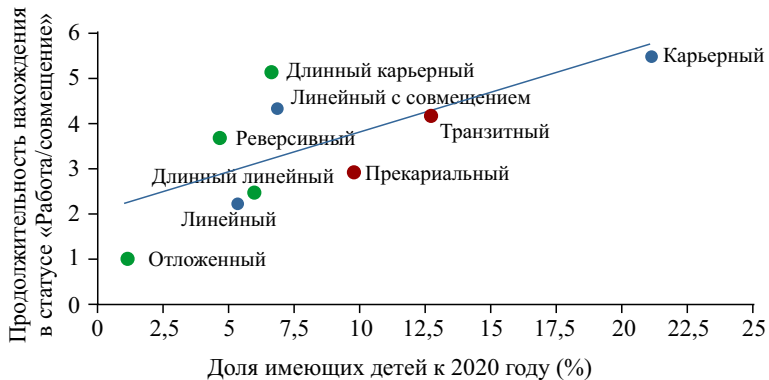

Рис. 17. Отношение продолжительности опыта работы и наличия детей

4.6. Регион проживания: рынок труда и рынок образования

Фактор региона проживания для образовательно-карьерных траекторий важен в двух контекстах: состояния рынка труда и состояния рынка образовательных программ. В первом случае регион может влиять на общий уровень занятости выпускников и уровень средних заработных плат, во втором — повышать или снижать шансы на получение более высокого уровня образования из-за разной концентрации университетского образования в регионе. Мы исходим из того, что основная волна образовательной миграции приходится на поступление в вузы после окончания школы [Габдрахманов, Никифорова, Лешуков, 2019], поэтому под регионом подразумевается субъект, где респонденты живут после поступления в вуз.

В 2020 году в шести из девяти паттернов обострилась ситуация с прекариальным положением: более 20% выпускников находились в состоянии неактивности, временной занятости и безработицы. Распространенность прекариального положения оказалась положительно связана с лагированным значением напряженности на рынке труда того региона¹¹, где респонденты проживали в 2020 году (рис. 18). То есть прекариата среди выпускников вузов больше в субъектах, где и до пандемии была более напряженная ситуация с предложением рабочих мест на рынке труда.

Длительность нахождения в образовании положительно связана с насыщенностью регионального рынка высшего образования (рис. 19). Участники паттернов с длинным образованием проживали в период обучения в бакалавриате / специалитете в регионах с более высоким охватом молодежи высшим образованием. Можно предположить, что чем больше в регионе образовательных возможностей, тем больше шансов у проживающей в нем молодежи продолжить образование.

Долгосрочно это может приводить к усилению эффекта Матфея в пространственном и социально-экономическом развитии регионов. В условиях состоявшегося перехода на двухуровневую систему высшего образования, роста спроса на высокую квалификацию и ощутимую отдачу от степени магистра более образованная молодежь будет концентрироваться в наиболее развитых субъектах, тем самым увеличивая дисбаланс в накоплении человеческого капитала в регионах.

¹¹ Коэффициент напряженности на рынке труда рассчитывается как отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения. Коэффициент напряженности взят за 2018 год.

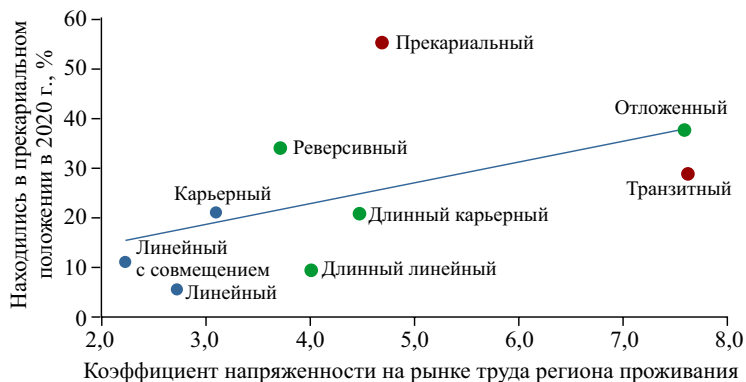

Рис. 18. Отношение распространенности прекариальных состояний и напряженности на региональном рынке труда¹²

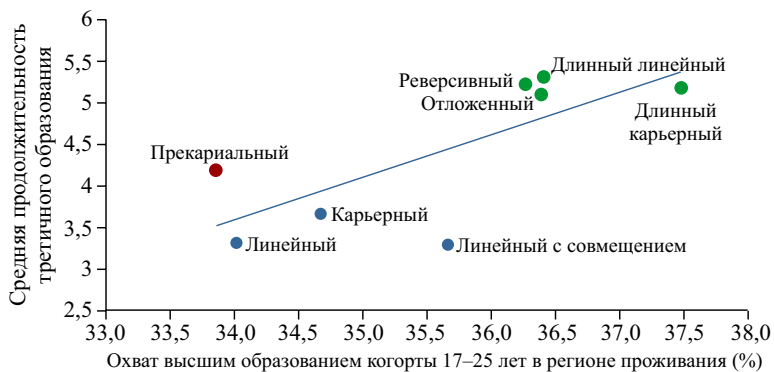

Рис. 19. Отношение продолжительности обучения и насыщенности регионального рынка высшего образования¹³

Примечание: График построен без учета транзитного паттерна из-за специфичной продолжительности образования (девять классов — колледж — вуз).

¹² Данные по коэффициенту напряженности на рынке труда 2018 года взяты из ЕМИСС. <<https://fedstat.ru/indicator/59028>>.

¹³ Данные об охвате высшим образованием представлены за 2016 год и взяты из [Громов и др., 2016]; данные о регионе проживания респондентов взяты из седьмой волны ТРОП, проведенной в 2018 году – в период, когда большинство участников выборки еще не окончили бакалавриат / специалитет и не поступили в магистратуру.

* * *

Дескриптивный анализ показал набор возможных факторов включения в выявленные образовательно-карьерные паттерны. За принципиальным водоразделом траекторий между коротким обучением и получением более высокого уровня образования стоят социально-экономический статус семьи и характеристики, находящиеся с ним в тесной связи [Duta, Wielgoszewska, Iannelli, 2021]. Культурный капитал семьи и образовательные притязания выраженно дифференцируют траектории по длительности образования к 25 годам. Параметры человеческого капитала и успеваемости также могут выступить предикторами более длинного образовательного трека [Boylan, 2020], однако уже в дескриптивном анализе проявилась неоднородность группы магистрантов в академических успехах. Также важно отдельно рассматривать параметры успеваемости как балл ЕГЭ и результаты международных замеров TIMSS и PISA в восьмом классе, принимая во внимание, что влияние семейного капитала при подготовке к ЕГЭ может быть более выраженным [Прахов, 2015].

Включенность в траектории с одинаковой продолжительностью образования, но различной по опыту работы, в том числе по распространенности практики совмещения учебы и работы, с одной стороны, может быть связана с семейным положением и планами по рождению детей [Роцин, 2006]. С другой стороны, фактором выбора траектории с разным опытом работы могут быть некогнитивные характеристики индивида, которые не были включены в данный анализ: например, открытость опыту, невротизм и добросовестность значимо связаны с результатами на рынке труда в России [Рожкова, 2019]. Помимо индивидуальных характеристик на шанс оказаться в той или иной траектории может влиять регион проживания, в частности, состояние рынка труда в нем.

Заключение

Наше исследование показало, на первый взгляд, очевидное: образовательно-карьерные траектории выпускников очень разные. Эти маршруты не сводятся к бинарным — поступил в магистратуру или нет, совмещал работу и учебу или нет, находится сейчас в постоянной занятости или нет. Все устроено сложнее. Также нельзя сбрасывать со счетов выпускников, совершивших прогрессию в высшее образование из колледжа, несмотря на принципиальную отличность этой траектории от всех остальных.

Основные выводы исследования:

Граница между учебой и работой окончательно размылась. Большинство выпускников работали и учились дольше, чем только учились. Классическая линейная траектории «школа — вуз — постоянная работа» в России, как и в других странах, превращается в исключение [Mann, Denis, Percu, 2020]. Если после бакалавриата такая траектория может завершиться успешным выходом в постоянную занятость, то длинный транзит школа — бакалавриат — магистратура без опыта работы оборачивается повышенным риском прекариальных состояний по завершении длинного образования. Это создает вопросы к современной повестке в образовании, дизайн и контент которого по-прежнему ориентирован на неработающих студентов.

Магистратура действительно становится отдельным типом образовательно-карьерного трека. Однако этот трек не гомогенен и его нельзя назвать «академическим». Мы зафиксировали паттерны, где за продолжение обучения отвечает, скорее, культурный капитал семьи и в меньшей степени — академические способности. Это соотносится с оценками влияния социально-экономического статуса на вероятность обучения в пост-бакалаврских программах [Walpole, 2003]. Одновременно есть трек с длинным обучением, который превратился в отложенное взросление в условиях напряженного регионального рынка труда, когда длинная учеба выступает своеобразной защитой от прекариальности. Также мы обнаружили различия по включенности в треки с длительным образованием в зависимости от сферы занятости. Среди тех, кто продолжил обучение, больше занятых в промышленности и социальной сфере, и меньше — в сфере обслуживания и потребительских услуг. Это может говорить как о различиях в квалификационных требованиях на рабочих местах, так и о самоотборе в профессии.

Прекариальность в треках выпускников российских вузов относительно невысокая. Однако вряд ли это заслуга образования, скорее — особен-

ность рынка труда. В условиях сокращения молодежной когорты в России¹⁴ успехи выпускников на рынке труда могут быть связаны, в том числе, и с этой демографической премией. С другой стороны, если прекариальность может и не быть выраженной проблемой в масштабе страны, то явно является таковой в отдельных регионах. Как показал пандемичный 2020 год, именно в регионах с напряженным рынком труда оказалось больше выпускников в прекариальном положении.

Говорить о выявленных образовательно-карьерных траекториях в терминах успешности представляется преждевременным. Большинство работ, основанных на методологии анализа последовательностей, выполнены на более длинных траекториях, когда участники лонгитюда достигли 30–40 лет [Kim, Klager, Schneider, 2019]. К этому времени программы формального образования завершены, начинается продвижение к пику зарплатного профиля, а значит, можно оценивать успешность траекторий. В случае нашей выборки, в краткосрочной перспективе, пока часть выпускников продолжает получать образование и не вышли в постоянную занятость, преимущество может быть за теми, кто раньше закончил вуз и накопил профессиональных стаж. Однако это преимущество может быть недолгим: более высокое образование ведет к более высоким заработкам, в том числе в долгосрочной перспективе. Поэтому вопрос доступа к программам магистратуры и другим более высоким уровням образования становится все более актуальным.

В образовательно-карьерных траекториях выпускников обнаруживаются симптомы социально-экономического неравенства, перенесенные с развилки выбора образовательного трека на карьерные маршруты. Это соответствует результатам, полученным на данных других стран, о значимом воздействии социально-экономического статуса на образовательно-карьерные траектории [Duta, Wielgoszewska, Iannelli, 2021; Boylan, 2020]. Семейный капитал и успеваемость связаны с включением в длинное обучение, а значит, открывают доступ к более высоким карьерным перспективам выходцам из более ресурсных семей. Также проступает и гендерное неравенство. Несмотря на численное преимущество среди выпускников вузов, достигнутый уровень высшего образования молодых женщин оказался ниже их образовательных притязаний, и ровно наоборот у мужчин; и это еще один предвестник долгосрочного разрыва в заработках. Отдельный срез неравенства — регион, проживание в котором может быть связа-

¹⁴ По данным Росстат, в 2021 г. когорта 15–29 лет составляла 15,5% населения России, в 2012-м — 22,1%.

но с типом образовательно-карьерного паттерна и общей успешностью на рынке труда.

Собранный материал оставляет пространство для дальнейших исследований и более точных эмпирических оценок. В частности, представляет интерес моделирование вероятности оказаться в выявленных паттернах в зависимости от различных факторов — как индивидуальных и социально-демографических характеристик, так и метрик полученного образования, опыта работы, региона проживания. Отдельным вопросом предстает анализ траекторий с учетом селективности вузов и иных параметров качества полученного высшего образования.

Литература

- Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информационный бюллетень / Науч. ред.: С.Ю. Роцин, В.Н. Рудаков. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020.
- Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В.* «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. № 5 (26). М.: НИУ ВШЭ, 2019.
- Громов А.Д., Платонова Д.П., Семенов Д.С., Пырова Т.Л.* Доступность высшего образования в регионах России // Современная аналитика образования. № 8. М.: НИУ ВШЭ, 2016.
- Кирюшина М. А., Рудаков В. Н.* Гендерные различия в заработной плате выпускников вузов и учреждений СПО на начальном этапе карьеры // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 172–198.
- Колосова А.И., Рудаков В.Н., Роцин С.Ю.* Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 113–132.
- Кондратенко В.А, Кирюшина М.А., Богданов М.Б.* Образовательные притязания российских школьников: факторы и возрастная динамика // Факты образования. № 1 (26). М.: НИУ ВШЭ, 2020.
- Лищук Е.Н., Капелюк С.Д.* Трудоустройство молодых специалистов на российском рынке труда: ключевые тенденции // Экономика труда. 2019. Т. 6. №. 3. С. 1079–1092.
- Павленко Е.С., Якубовская А.А.* Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3 (157). С. 376–390.
- Прахов И.А.* Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88–117.
- Рожкова К.В., Роцин С.Ю., Солнцев С.А., Травкин П.В.* Отдача на магистерскую степень на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2021. № 8. С. 69–92.

- Рожкова КВ.* Отдача от некогнитивных характеристик на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2019. №11. С. 81–107.
- Роцин С.Ю.* Переход “учеба — работа”: омут или брод? / Препринт WP3/2006/10. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.
- Роцин С.Ю., Рудаков В.Н.* Влияние «качества» вуза на заработную плату выпускников // Вопросы экономики. 2016. № 12 (8). С. 74–95.
- Солнцев С.А., Емелина Н., Лопатина М.В.* Особенности безработицы на российском рынке труда / Науч. ред.: С. А. Солнцев, С. Ю. Роцин. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021.
- Becker G.S.* (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis // *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70(5, Part 2). P. 9–49.
- Brzinsky-Fay C.* The measurement of school-to-work transitions as processes: about events and sequences // *European Societies*. 2014. Vol. 16(2). P. 213–232.
- Brzinsky-Fay C., Solga H.* Compressed, postponed, or disadvantaged? School-to-work-transition patterns and early occupational attainment in West Germany // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2016. Vol. 46. P. 21–36.
- Boylan R.L.* Predicting Postsecondary Pathways: The Effect of Social Background and Academic Factors on Routes through School // *Socius*. 2020. Vol. 6. <<https://doi.org/10.1177/2378023119895174>>.
- Dudyrev F., Romanova O., Travkin P.* Student employment and school-to-work transition: the Russian case // *Education and Training*. 2020. Vol. 62. No. 4. P. 441–457.
- Duta A., Wielgoszewska B. & Iannelli C.* Different degrees of career success: Social origin and graduates' education and labour market trajectories // *Advances in Life Course Research*. 2021. Vol. 47. <<https://doi.org/10.1016/j.alcr.2020.100376>>.
- Furlong, A.* The changing landscape of youth and young adulthood // *Routledge handbook of youth and young adulthood*. 2016. P. 19–27.
- Kim S., Klager C., Schneider B.* The effects of alignment of educational expectations and occupational aspirations on labor market outcomes: Evidence from NLSY79 // *The Journal of Higher Education*. 2019. Vol. 90. No.6. P. 992–1015.

- Lorentzen T., Bäckman O., Ilmakunnas I., Kauppinen T.* Pathways to adulthood: Sequences in the school-to-work transition in Finland, Norway and Sweden // *Social Indicators Research*. 2019. Vol. 141. No. 3. P. 1285–1305.
- Mann A., V. Denis, Percy C.* Career ready?: How schools can better prepare young people for working life in the era of COVID-19. OECD Education Working Papers. No. 241, OECD Publishing, Paris, 2020.
- Monaghan D.B.* College-going trajectories across early adulthood: An inquiry using sequence analysis // *The Journal of Higher Education*. 2020. Vol. 91. No. 3. P. 402–432.
- Plug W., Du Bois-Reymond M.* Transition patterns between structure and agency. In: A. Walther, M. D. Bois- Reymond, A. Biggart (Eds.), *Participation in transition motivation of young adults in Europe for learning and working*. Frankfurt Am Main: Peter Lang, 2006.
- Roshchin S., Rudakov V.* Patterns of student employment in Russia // *Journal of Education and Work*. 2017. Vol. 30. No. 3. P. 314–338.
- Walther A.* Regimes of youth transitions: Choice, flexibility and security in young people's experiences across different European contexts // *Young*. 2006. Vol. 14. No. 2. P. 119–139.
- Walther A., Plug W.* Transitions from school to work in Europe: Destandardization and policy trends // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2006. Vol. 2006(113). P. 77–90.
- Walpole M.* Social mobility and college: Low SES students' experiences and outcomes of college // *The Review of Higher Education*. 2003. Vol. 27. No. 1. P. 45–73.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D.* Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education // *Sociology of Education*. 2018. Vol. 91. No. 3. P. 224–241.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ НА МАТЕРИАЛЕ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мальцева Вера Андреевна,

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: vamaltseva@hse.ru

Розенфельд Наталья Яковлевна,

стажер-исследователь Центра развития навыков и профессионального образования Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: nrozenfeld@hse.ru

Аннотация. В работе рассматриваются паттерны в девятилетних образовательно-карьерных траекториях участников когортного панельного исследования «Траектории в образовании и профессии», получивших высшее образование к 2020 году. Выделение паттернов проведено с помощью метода анализа последовательностей. Описаны девять паттернов в траекториях выпускников в разрезе дифференцирующих особенностей: продолжение обучения в магистратуре, совмещение учебы и работы, продолжительность опыта работы, длительность нахождения в прекариальном положении. Показано положение выпускников — участников паттернов на рынке труда в 2020 году: статус на рынке, сфера занятости, трудовой доход. Рассмотрена взаимосвязь паттернов с набором социально-демографических характеристик участников (культурный капитал, образовательные притязания, гендер, семейное положение), образовательной успешности (математическая грамотность по TIMSS), а также контекстуальных факторов (напряженность регионального рынка труда, насыщенность регионального рынка образования).

Использованы данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии». Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Материал будет интересен тем, кто разрабатывает и реализует политику в области высшего образования и молодежной занятости, а также широкому кругу читателей в университетском сообществе — руководителям и специалистам образовательных организаций, исследователям высшего образования и рынка труда, выпускникам и студентам вузов.

Ключевые слова: образовательно-карьерные траектории, выпускники вузов, рынок труда, высшее образование, молодежь, магистратура, совмещение учебы и работы, прекариат.

EDUCATION AND CAREER PATHWAYS OF THE RUSSIAN UNIVERSITIES' GRADUATES IN LONGITUDINAL PERSPECTIVE

Maltseva Vera,

PhD (Candidate of Economic Sciences), Associate Professor, Senior Research Fellow, Centre for Skills Development and Vocational Education at the Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: vamaltseva@hse.ru

Rozenfeld Natalia,

Research Assistant, Centre for Skills Development and Vocational Education at the Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

E-mail: nrozenfeld@hse.ru

Abstract. This paper explores patterns of the nine-year educational and career trajectories of respondents in the cohort panel study “Trajectories in Education and Careers” who have received higher education by 2020. Patterns were distinguished with the sequence analysis method. Nine patterns of the trajectories are described by four differentiating features: master’s degree attainment, combination of study and work, work experience, precarious period. Furthermore, there is shown the position of graduates participating in patterns in the labor market as status in the market, field of employment, earnings. Moreover, the article examines the interrelation of patterns with a set of socio-demographic characteristics of participants (gender, cultural capital, marital status), educational success (mathematical literacy according to TIMSS), as well as regional contextual factors (tension of the labor market, saturation of the education market).

The research was carried out with the support of the HSE Fundamental Research Program and uses data of the panel study «Trajectories in Education and Careers».

Findings of this paper will be of interest to those who develop and implement policies in the field of higher education and youth employment, as well as to a wide range of readers in the university community — managers and specialists of educational organizations, researchers of higher education and the labor market, graduates and students of universities.

Key words: educational and career trajectories, university graduates, labor market, higher education, youth, master's degree, work-study combination, precarity.

Один из сильнейших университетов страны приглашает на бюджетные места

Институт образования НИУ ВШЭ предоставляет уникальную возможность для профессионального развития и карьерного роста. Образовательные программы построены с учетом научных разработок и изменений в законодательстве. Среди преподавателей — ведущие российские и зарубежные ученые, признанные эксперты-практики российского образования.

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ

Для выпускников бакалавриата и специалитета

Период обучения: 2 года

Форма обучения: очная

■ **«Доказательное развитие образования»**

Академический руководитель — К.Р. Романенко

Соруководитель — А.А. Егоров

■ **«Обучение и оценивание как наука»**

Академические руководители — А.А. Куликова, М. Арсалиду

Научный руководитель — Е.Ю. Карданова

■ **«Педагогическое образование»**

Академический руководитель — М.А. Лытаева

Для руководителей вузов и школ

Период обучения: 2,5 года

Форма обучения: очно-заочная

■ **«Управление в высшем образовании»**

Академический руководитель — К.В. Зиньковский

■ **«Управление образованием»**

Академический руководитель — А.А. Кобцева

Научный руководитель — А.Г. Каспржак

■ **«Цифровая трансформация образования»**

Академический руководитель — Е.Д. Патаракин

Обучение осуществляется как бесплатно на бюджетной основе, так и с оплатой на договорной основе. Работникам государственных и муниципальных бюджетных учреждений социальной сферы предоставляется 50%-ная скидка на обучение.

Департамент образовательных программ Института образования НИУ ВШЭ

<https://ioe.hse.ru/masters>

Тел.: 8 (495) 772-95-90 (доб. 22550)

Тел.: 8 (916) 335-15-58

АСПИРАНТСКАЯ ШКОЛА ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Институт образования НИУ ВШЭ приглашает к поступлению в уникальную для России Аспирантскую школу по образованию. Школа объединяет всех, кто хочет заниматься практическими и фундаментальными исследованиями в образовании, не ограничиваясь рамками традиционной педагогики. Поэтому, помимо тех, кто уже получил педагогическое образование, аспирантура ориентирована на выпускников социальных, гуманитарных, экономических и других специальностей.

Преимущества программы:

- ✓ Практика исследований и возможность трудоустройства с первых дней
- ✓ Степень кандидата наук НИУ ВШЭ об образовании / PhD HSE in Education
- ✓ Междисциплинарная подготовка
- ✓ Зарубежные стажировки по теме исследования
- ✓ Участие в совместных проектах с лидерами мировых рейтингов: Бостонским колледжем, Стэнфордским университетом, Гарвардским университетом, Университетским колледжем Лондона и др.
- ✓ Доступ к уникальным данным международных и российских исследований из баз PISA, TIMSS, TALIS, SERU, iPIPS, PIAAC, МЭО
- ✓ Регулярные презентации новых исследований в сфере образования
- ✓ Доступ ко всем образовательным ресурсам Высшей школы экономики

Школа предлагает две формы обучения:

Академическая аспирантура — для тех, кто хочет полностью сфокусироваться на развитии научной карьеры. Это очная аспирантура «полного дня» с обязательным включением в работу профильного для вас центра Института образования и обязательной стажировкой в зарубежном вузе-партнере. Аспиранты получают стипендию и зарплату аналитика или стажера-исследователя в выбранном центре.

Профессиональная аспирантура — для тех, кто уже нашел себя в бизнес- и управленческих структурах сферы образования. Эта очная программа дает возможность совмещать обучение с занятостью вне стен Института.

Как поступить?

По конкурсу портфолио. Набор проходит два раза в год: с декабря по март и с августа по сентябрь. До подачи документов необходимо выбрать будущего научного руководителя и обсудить тему исследования, подготовить и согласовать его план-проект.

Обучение бесплатное — три года. Иногородним предоставляется общежитие.

Аспирантская школа по образованию:

<https://aspirantura.hse.ru/ed>

Тел.: 8 (495) 772-950-90 (внутренний 22714)

Лицензия на осуществление образовательной деятельности № 2593 от 24.05.2017.

Свидетельство о государственной аккредитации № 1820 от 30.03.2016.

На все вопросы о поступлении и обучении ответит академический директор Аспирантской школы Канонир Татьяна Николаевна:

E-mail: tkanonir@hse.ru,

моб. тел.: +7(968) 938-53-65.

Научное издание

Серия
Современная аналитика образования

№ 1 (61)

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ВЫПУСКНИКОВ
РОССИЙСКИХ ВУЗОВ НА МАТЕРИАЛЕ
ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Редактор: И. Гумерова
Компьютерная верстка: Н. Пузанова

Подписано в печать 06.02.2022. Формат 60×84 1/16
Усл.-печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 3,01. Тираж 100 экз.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Институт образования
101000, Москва, Потаповский пер., д. 16, стр. 10
Тел./факс: (499) 772-95-90*22235
ioe@hse.ru

